

На правах рукописи

Кулешов Вячеслав Сергеевич

**Письменные и нумизматические источники
по истории денежного обращения в
Восточной Европе в IX–XI вв.**

Специальность 07.00.09 — историография, источниковедение и методы исторического исследования

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва 2019

Работа выполнена в Стокгольмском нумизматическом институте Стокгольмского университета (Швеция)

Научный руководитель: **Мельникова Елена Александровна**
доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

Официальные оппоненты: **Горский Антон Анатольевич**
доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Настич Владимир Нилович
кандидат исторических наук, руководитель отдела памятников письменности народов Востока Института востоковедения РАН

Ведущая организация: Кафедра вспомогательных исторических дисциплин и археологии Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета

Защита состоится 29 апреля 2019 г. в понедельник, в 12 часов на заседании диссертационного совета Д 002.249.01 созданного на базе Института всеобщей истории РАН по адресу: 119334, Москва, Ленинский проспект, 32 а (ауд. 1406)

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Института всеобщей истории РАН и на сайте www.igh.ru

Автореферат разослан «_____» _____ 2019 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
к.и.н.

Сокольская Нина Федоровна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Вопросы денежного обращения эпохи раннего средневековья требуют комплексного привлечения письменных (наиболее информативных, но неизбежно выборочных), нумизматических (дающих массовый материал) и тесно связанных с ними эмблематических (геральдических) источников (требующих особых методов анализа). Применительно к Восточной Европе IX–XI вв. наиболее актуально последовательное изучение этих трех типов источников, поскольку письменные источники фрагментарны, нумизматические не обобщены и в значительной степени не обработаны, а эмблематико-семиотические системы ранних государств региона недостаточно изучены как самостоятельный источник. За последние десятилетия значительно расширена и пополнена источниковая база, на основе которой делаются новые наблюдения о становлении экономических систем, специфике форм и функций торговых отношений и ранних этапах политогенеза.

Общее направление и базовые тенденции экономического развития Восточной Европы раннего средневековья обозначены в серии работ Е.А. Мельниковой, А.В. Назаренко, И.Г. Коноваловой, Т.С. Нунана¹. В полной мере осмыслить исследуемые группы источников мы можем лишь в широком контексте изучения межкультурных связей и этнопо-

---

¹ Мельникова Е. А. Европейский контекст возникновения древнерусской государственности // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 240–269; она же. «Дружиною налѣзу сребро и злато»: военно-торговая экономика древнерусской элиты X в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Вып. XXIV: Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. М., 2012. С. 181–188; она же. Геополитические и геоэкономические предпосылки образования Древнерусского государства // Электронный научно-образовательный журнал «История». Вып. 5 (13): Начала древнерусского государства. М., 2012. С. 29–44; она же. Две экономики периода образования Древнерусского государства (постановка проблемы) // Ежегодник аграрной истории. Сб. ст. памяти Н.А. Горской. М., 2013. С. 51–68; она же. Экономические системы в эпоху образования государства: Древняя Русь и скандинавские страны // Древнейшие государства Восточной Европы. 2015 год. Экономические системы Евразии в ранне Средневековье. М., 2017. С. 390–440; Назаренко А. В. Происхождение древнерусского денежно-весового счета // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994 год. Новое в нумизматике. М., 1996. С. 5–79; Коновалова И. Г. Путь купцов-русов на Восток // Средневековая Русь. Вып. 6. М., 2006. С. 9–28; Noonan Th. S. The Islamic World, Russia and the Vikings, 750–900: The Numismatic Evidence. (Variorum Collected Studies. Vol. 595.) Aldershot, 1998.

литических процессов, происходившей в Северной и Восточной Европе и на сопредельных территориях².

Несмотря на длительную традицию изучения, источниковедческий потенциал древнерусских летописных известий второй половины XI — начала XII в., связанных с денежным обращением, обменом и торговлей, все еще не исчерпан. Прежде всего, источниковедческое исследование летописных текстов должно вестись с учетом новейших достижений текстологии. Среди письменных источников наименее исследованы и недостаточно полно введены в научный оборот тексты арабской традиции IX–X вв. Сложность этих текстов и жанровая разноплановость требуют периодического «перечитывания» с учетом достижений современного уровня критики текста и понимания социокультурных контекстов описываемых в них феноменов. Именно эти две группы письменных источников занимают центральное место в нашей работе.

Памятники монетного обращения (клады и единичные находки) являются основным источником для уточнения хронологии экономических, политических и этнокультурных процессов в раннесредневековой Восточной Европе. Этот тип источников постоянно количественно пополняется, причем на сегодняшний день зафиксированных памятников значительно превышает число изученных с точки зрения типологии и хронологии. В нашей работе предпринята попытка обобщить источниковую базу на основе опубликованных и архивных данных и обновить методологию обработки этого типа источника.

Эмблематика (тамги и геральдические знаки) является наиболее сложным для интерпретации типом источника, поскольку они одновременно являются памятниками материальной культуры, письменности (легенды и монограммы) и прикладного искусства (элементы декора). В силу этой сложности памятники эмблематики Хазарии IX в., Волжской Булгарии X в. и Руси X–XI вв. привлекались лишь эпизодически и не изучались как источники по истории возникновения государственной символики.

---

² *Петрухин В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск; М., 1995; *он же.* Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). М., 2000; *он же.* Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. М., 2013; *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001; *Мельникова Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды. М., 2011; *Горский А. А.* Первое столетие Руси // Средневековая Русь. Вып. 10: К 1150-летию зарождения российской государственности. М., 2012. С. 7–112; *он же.* Возникновение Руси в контексте европейского политогенеза конца I тысячелетия н. э. // Русь в IX–XII вв.: общество, государство, культура. М., 2014. С. 25–33.

Степень разработанности темы. Изучение письменных и нумизматических источников по истории денежного обращения в Восточной Европе IX–XI вв. — традиционная тема отечественной науки. На протяжении XIX — первой половины XX в. анализом и интерпретацией нумизматических памятников и данных из текстов по истории Древней Руси и ее соседей, их международных связей, торговли и экономической жизни занимались ведущие востоковеды — Х. Д. Френ, П.С. Савельев, В. В. Григорьев, В. Г. Тизенгаузен, А. К. Марков, позднее, в первые десятилетия советского периода, Р.Р. Фасмер и Н.П. Бауер. Именно они заложили основы комплексного и сравнительного подходов, сочетающих равное внимание как к нарративным и документальным текстам, так и к монетам (арабским, византийским, западноевропейским, а также восточноевропейским «варварским» подражаниям). Особо следует отметить научное наследие Р. Р. Фасмера, с непревзойденной полнотой изучившего корпус восточноевропейских кладов IX–X вв. и реконструировавшего на базе типологического изучения нумизматических памятников и памятников арабской письменной традиции важнейшие этапы композиционной динамики денежного обращения в контексте политической истории исламской цивилизации и ее соседей³. Не меньший вклад внес Н.П. Бауер, чья содержательная диссертация подвела итоги изучения им объемной совокупности письменных и нумизматических памятников по истории средневековых русских денежных систем, но была опубликована лишь посмертно⁴.

---

³ *Фасмер Р. Р.* Список монетных находок, зарегистрированных Секцией нумизматики и глиптики Академии истории материальной культуры в 1920–1925 гг. // Сообщения ГАИМК. Т. I. Л., 1926. С. 287–308; *он же.* Два клада куфических монет. (Труды нумизматической комиссии ГАИМК. Вып. VI.) Л., 1927. *он же.* Список монетных находок. II // Сообщения ГАИМК. Т. II. Л., 1929. С. 281–324; *он же.* Завалишинский клад куфических монет VIII–IX в. (Известия ГАИМК. Т. VII. Вып. II.) Л., 1931; *он же.* Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе // Известия АН СССР. Сер. 7. Отд. общественных наук. № 6–7. Л., 1933. С. 473–484; *Vasmer R.* Ein im Dorfe Saryi Dedin in Weissrussland gemachter Fund kufischer Münzen. (Kungl. Antikvitets Akademiens Handlingar. Del. 40:2.) Stockholm, 1929.

⁴ *Бауер Н. П.* История древнерусских денежных систем IX в. — 1535 г. / Изд. подг. П. Г. Гайдуков. М., 2014. Его же более ранние работы: Денежный счёт Русской Правды // Вспомогательные исторические дисциплины. М.; Л., 1937. С. 183–244; *Bauer N.* Die russischen Funde abendländischer Münzen des 11. und 12. Jahrhunderts. I. Topographische Übersicht der Münzfunde des Ostbaltikums. II. Topographische Übersicht der in den Grenzen des heutigen Rußlands (USSR) gefundenen Münzen // Zeitschrift für Numismatik. Bd. XXXIX. Berlin, 1929. S. 1–187; *idem.* Die russischen Funde abendländischer Münzen des 11. und 12. Jahrhunderts. III. Schlußbetrachtung. IV. Anhang: Einige bisher unedierte Funde aus Polen.

В послевоенное время, опираясь на разработки Р.Р. Фасмера и Н.П. Бауера, общую концепцию истории древнерусских денежных систем домонгольского времени сформулировали в своих монографических исследованиях В.Л. Янин и В.М. Потин⁵. Их работы, продолжившие отечественную традицию комплексного и сопоставительного источниковедения письменных источников и нумизматических памятников (кладов с куфическими дирхамами и кладов с европейскими денариями) были выполнены на высоком уровне мировой историко-нумизматической науки. В дальнейшем ряд авторов разрабатывали более частные темы и отдельные сюжеты (А.А. Быков, С.А. Янина, Е.А. Пахомов, В.В. Кропоткин, И.Г. Добровольский, В.Н. Рябцевич, А.В. Фомин, А.Б. Никитин, А.А. Гомзин, В.С. Кулешов).

Интенсивное накопление нумизматических источников продолжилось во второй половине XX в. и активно продолжается в настоящее время; их публикацией, контекстуальным и корпусным анализом занимались, главным образом, археологи. Традиционно выявлением, описанием и введением в научный оборот нумизматических источников занимаются археологи и специалисты-нумизматы. После специального свода А.К. Маркова⁶, суммировавшего данные о кладовых и единичных находок монет VII–XI вв. на территории Восточной Европы, новые обобщения не публиковались. Отдельные памятники вводились в научный оборот Р.Р. Фасмером, Н.П. Бауером, А.А. Быковым, В.М. Потиним, С.А. Яниной, И.Г. Добровольским, А.В. Фоминым, А.А. Гомзиным, В.С. Кулешовым. В сотнях работ, принадлежащих десяткам археологов рассеяны данные о монетных находках в археологических контекстах. Также опубликовано несколько важных региональных сводок (В.В. Кропоткин, В.Н. Рябцевич, Н.Ф. Котляр, Е.Н. Носов, Т.М. Берг, А.В. Фомин, В.Б. Виноградов, П.Г. Гайдуков, А.А. Молчанов, Н.А. Макаров, А.А. Гомзин). Сейчас уже объем выявленных и опубликованных нумизматических источников многократно

[Errata zu S. 1–187.] Register der Fundplätze // Zeitschrift für Numismatik. Bd. XL. Berlin, 1930. S. 188–228; *idem*. Nachträge zu den russischen Funden abendländischer Münzen des 11. und 12. Jahrhunderts // Zeitschrift für Numismatik. Bd. XLII. Berlin, 1935. S. 153–173.

⁵ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956; *он же*. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009. Потин В. М. Топография находок западноевропейских монет X–XIII вв. на территории древней Руси // Труды Гос. Эрмитажа. Т. IX. Нумизматика. Вып. 3. Л., 1967. С. 106–194; *он же*. Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв.: Историко-нумизматический очерк. Л., 1968.

⁶ Марков А. К. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910.

превосходит источниковую базу первой половины XX в., хотя уровень источниковедческой обработки и качество соответствующих публикаций разнятся в диапазоне от документально выверенных кладовых списков, выполненных и полноценно прокомментированных ведущими специалистами, до методически и/или содержательно дефектных сообщений, упоминаний и справок сомнительной надежности.

Целый цикл современных работ был направлен на прояснение спорных аспектов происхождения, структуры, функций и территориальной дистрибуции древнерусских денежных систем и их фрагментов (О. Прицак, А.В. Назаренко, С.Н. Кистерев, А.В. Комар, Ш.И. Бектинеев).

Характеризуя современную зарубежную историографию, следует упомянуть значительный вклад в систематизацию знаний о нумизматических источниках и в реконструкцию исторической и экономической динамики обществ Восточной Европы VIII–XIII вв. в историко-нумизматической перспективе американских историков Т. С. Нунана и Р. К. Ковалева, чьи работы создали основу для международного каталога кладов Евразии. Большой интерес вызывают и новейшие разработки европейских специалистов, привлекающих в своих реконструкциях восточноевропейский материал (С. Братер, Х. Штойер, К. Килгер, И. Густин, И. Леймус, Г. Рисплинг, В. Лосиньский, Я. Адамчик, Д. Адамчик, М. Янковяк).

В рамках комплексного источниковедения письменных памятников, включающего в себя текстологию, лексикографию и вопросы подготовки критических изданий летописных, правовых и актовых источников, историки рассматривали вопросы монетного обращения и денежного счета, а также общих вопросов развития экономики и товарно-денежных отношений (Д.С. Лихачев, Б.А. Романов, М.Н. Тихомиров, А.А. Зимин, М.Б. Свердлов, А.А. Горский). Вопросам интерпретации древнерусских меховых единиц и их места в товарно-денежных системах посвящены статьи С.Н. Кистерова, И.Г. Добродомова, Е.В. Пчелова, А.А. Гиппиуса, П.С. Стефановича. В основополагающих работах А. В. Назаренко предложены решения вопросов об истоках древнерусских денежно-весовых единиц и их метрологических стандартов⁷. Данные о лексике денежного обращения и ее этимологический анализ содержатся в монографиях А.С. Львова, Б. Струминского и в статьях этимологических словарей М. Фасмера, О.Н. Трубачева, А.А. Аникина.

---

⁷ Назаренко А.В. Происхождение древнерусского денежно-весового счета // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994 год. Новое в нумизматике. М., 1996. С. 5–79; *он же*. Скандинавская марка и древнерусская гривна серебра // Нумизматический сборник. Ч. XV: Нумизматика на рубеже веков. (Труды ГИМ. Вып. 125.) М., 2001. С. 71–84.

Цель диссертации – исследование разных типов источников, отразивших различные аспекты денежного обращения IX–XI вв. в Восточной Европе, и разработка методов получения новой информации о его хронологии, типологии и структурной динамике. Для достижения этих целей решаются следующие **задачи**:

(1) источниковедческое изучение письменных текстов (древнерусских летописей и памятников арабской классической литературы), содержащих релевантные данные о системах товарно-денежного обращения восточноевропейских обществ IX–XI вв.;

(2) документальное обобщение и разработка методов типологии монет и сериации монетных комплексов (кладов) для создания дробной хронологии (периодизации) денежного обращения IX–XI вв.;

(3) анализ известных на сегодняшний день памятников независимой монетной чеканки Хазарии, Волжской Булгарии и Руси, содержащих в своем дизайне и изобразительной программе элементы эмблематики (геральдики) и применение к их интерпретации методов сопоставительной иконографии и исторической семиотики.

Объект исследования – системы денежного обращения разных уровней в Восточной Европе IX–XI вв. как в узком, собственно нумизматическом, так и в расширенном, экономико-антропологическом смысле.

Предмет исследования – совокупность письменных и нумизматических источников по истории денежного обращения в Восточной Европе IX–XI вв.

Хронологические и территориальные рамки исследования определяются временем возникновения и регресса систем монетного обращения, представленных корпусом кладов арабского и европейского серебра, обнимающих IX–XI вв. и найденных в географических пределах Восточной Европы — между Балтийским и Черным морями, Кавказом и Уральским хребтом. Нижняя хронологическая граница — синхронное появление кладов арабских монет в регионах Хазарии и Прибалтики на рубеже VIII–IX вв., верхняя — существенный спад обращения европейских монет и объемов тезаврации в последние десятилетия XI в.

Хронологически с ранним и средним этапами эпохи викингов (IX–X вв.) соотносится появление сведений о народе *ар-рус* в арабской традиции о Восточной Европе (понимаемой в тех же границах): начиная с «Анонимной записки», датируемой концом IX в., и продолжая памятниками арабской географической литературы классического периода, византийскими текстами о Руси X в. и первыми памятниками собственно древнерусской письменной традиции (древнейшие летописные своды, реконструируемые средствами лингвистики и текстологии в составе «Повести временных лет»). Письменные источники

охватывают весь исследуемый период: арабская традиция является синхронной и наиболее репрезентативной, а более поздние в рассматриваемом хронологическом контексте древнерусская летописная традиция XI — начала XII в. является интроспективным отражением представлений об экономике и денежном обращении ключевого раннего государства региона — Руси.

Методологической основой исследования являются методы текстологии, лексикографии, лексико-семантического анализа контекстов и этимологии терминов денежного обращения, позволяющие комплексно раскрыть потенциал древнерусских летописных и классических арабских текстов как исторических источников по рассматриваемым вопросам. При анализе нумизматических источников используются методы типологического анализа, статистические методы сопоставимости монетных типов в комплексах, хронологическая серияция. При интерпретации памятников эмблематики (геральдики) и монетной чеканки Хазарии, Волжской Булгарии и Руси используются методы сравнительной иконографии, структурно-стилистического анализа и исторической семиотики.

Источниковую базу диссертации составляют письменные, нумизматические и эмблематические (геральдические) источники.

Из корпуса письменных источников для исследования выбраны данные «Повести временных лет» начала XII в., содержащие представительный древнерусский текстовый и лексико-фразеологический материал по истории систем денежного обращения X–XI вв. Основным материалом предоставляют данные памятников арабской классической литературы IX–XI вв., содержащие синхронные сведения по истории экономики, торговли и товарно-денежных отношений в Восточной Европе. Сводки известий арабо-персидских текстов с информацией о рассматриваемом регионе были сделаны В.В. Бартольд, И.Ю. Крачковским, А.П. Ковалевским, Б.Н. Заходером, Т. Левицким, А.П. Новосельцевым, Т.М. Калининой, И.Г. Коноваловой.

Нами были использованы следующие оригинальные тексты: «Книга путей и стран» Ибн Хурдадбиха (860-е гг.), «Анонимная записка» о странах и народах Восточной Европы (данные не позднее 890-х гг., цитируемая по тексту компилятивной «Книги драгоценных украшений» Ибн Рустаха начала X в.), «Книга» Ахмада ибн Фадлана (около 923 г.), сочинение «Наилучшее страноведческое обозрение» ал-Мукаддаси (конец X в.), а также сочинения ат-Ганухи и ал-Бируни (конец X–XI в.), содержащие сведения, восходящие к X в. Отдельно нужно упомянуть сочинение ал-Кинди «Книга о мечях и их разновидностях» (890-е гг.), содержащее уникальные сведения о разновидностях важнейшей группы товаров – мечей западно- и восточноевропейского происхождения, известных в Халифате. Все тексты исследуются

в арабском (в ряде случаев персидском) оригинале, а цитируются в классических или авторских переводах.

Нумизматические источники изучались по публикациям, архивным материалам (рукописный архив ИИМК РАН, архив Государственного Эрмитажа, документальный фонд Отдела нумизматики Эрмитажа) и музейным коллекциям (Государственный Эрмитаж, Государственный Исторический музей, Новгородский объединенный музей-заповедник, Псковский музей-заповедник, Исторический музей Татарстана, Национальный исторический музей республики Беларусь, Нумизматический музей Белорусского государственного университета, Полоцкий национальный музей заповедник, Витебский и Могилевский краеведческие музей, Национальный музей Литвы, Исторический музей Эстонии, Королевский министр-кабинет Швеции, Центр восточной нумизматики университета в Тюбингене). Ряд архивных материалов и музейных коллекций был впервые опубликован автором.

Эмблематические (геральдические) источники, то есть монеты и подвески с тамгами и граффити, собирались по различным (зачастую малодоступным) публикациям и исследовались в музейных собраниях *de visu*; в результате собран корпус сведений о более чем двухстах экземплярах таких памятников, отражающих ранние этапы становления монетной регалии Хазарии, Волжской Булгарии и Руси.

Научная новизна исследования определяется полученными результатами, которые, расширяют, дополняют и уточняют современные представления в области источниковедения экономической истории и денежного обращения восточноевропейского средневековья.

1. Проведен подробный и комплексный анализ отражения нумизматических ситуаций и товарно-денежных систем в древнерусской «Повести временных лет» (начало XII в.) и памятниках арабо-персидской письменной традиции IX–XI вв.

2. На основе новой сводки нумизматических источников методами типологической классификации и сериации создана более дробная хронологическая система (периодизация) денежного обращения IX–XI вв., позволяющая уточнить датировку этапов развития международных связей обществ Восточной Европы.

3. Описан историко-нумизматический контекст возникновения прокламативной монетной чеканки в раннегосударственных образованиях Восточной Европы (Хазарии, Волжской Булгарии и Руси времени первых правителей династии Рюриковичей) и проанализированы соответствующие нумизматические памятники и эмблематические (геральдические) традиции, позволяющие, в частности, внести уточнения в генеалогию правителей этих ранних государств.

Теоретическая значимость работы определяется вкладом, расширяющим и углубляющим современные представления об источнико-

ведческом потенциале разных групп письменных памятников IX — начала XII в., методах изучения массовых нумизматических источников и методологии комплексного изучения эмблематических источников.

Практическая значимость диссертации определяется полученными результатами, которые могут быть использованы при подготовке обобщающих монографических изданий, учебных пособий, лекционных курсов, постоянных музейных экспозиций и временных выставок. Предварительные результаты нашли отражение при подготовке фундаментального монографического издания «Археологическая панорама»⁸, постоянных экспозиций «История денег» (2015 г., Выставочный центр АО «Гознак», Санкт-Петербург) и «Деньги в истории мировой культуры» (2016 г., Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург), временной выставки «Путешествие Ибн Фадлана» (2016 г., центр «Эрмитаж-Казань», Казань). На основе совокупности монет и подвесок с тамгами и граффити готовится база данных изображений, связанных с символикой власти IX–XI вв.

Положения, выносимые на защиту:

1. Основным источником по истории денежного обращения и о представлениях, касающихся структуры хозяйственно-экономических категорий, является «Повесть временных лет» (ПВЛ) начала XII в.

2. Наиболее выразительный контекст ПВЛ, в котором отразилась сумма представлений древнерусских летописцев XI в. о княжеской экономике – список товаров в «прямой речи» Святослава Игоревича под 969 г. – находит аналогии в синхронных литературных памятниках Востока и Запада («Книга царей» Фирдауси и «Песнь о Роланде»).

3. Значительный фактический материал о товарно-денежных отношениях и экономических связях в Восточной Европе содержится в арабских и персидских текстах IX–XI вв.; их высокая ценность и информативность как источника обусловлена тем фактом, что они полностью синхронны описываемым в них реалиям.

4. Важнейшие товарные категории в экономических системах Восточной Европы IX–XI вв. функционировали как платежные средства и денежные единицы. Мы реконструируем гибкую и многоуровневую товарно-денежную систему, состоящую из формальных классов металлических денег (весовое серебро, серебряные монеты, золото), меховых товаро-денег (шкурки драгоценных пушных зверей, главным образом – куницы и белки) и товаро-денег прочих групп (штуки шелка/парчи, франкские мечи, бусы).

5. Для обозначения денежных единиц этой системы использовались нумеративные единицы, этимологически связанные с обозначениями

---

⁸ Русь в IX–X веках: археологическая панорама / отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда, 2012. С. 387–389.

металлических украшений (*гривна*), ценных мехов (*куна* и *веверица*) и тканей (*наволока*), а также термины (заимствованные и исконно славянские) для обозначения монетных категорий и концепта 'богатство' (*ногата, пенязь, щьяльгъ, скоть*).

6. Базовой единицей древнерусских денежно-весовых систем являлась *гривна* (гривна II), предыстория которой связана с культурой древних и ранних славян и с нормами примитивного (архаического) денежного счета Европы эпохи раннего металла.

7. Нумизматические источники (исламские монеты и монетные комплексы Восточной Европы) требуют комплексного подхода, предполагающего рассмотрение их максимально возможной совокупности к контексте истории и хронологии денежного обращения и монетного дела стран исламской цивилизации (Халифата).

8. Наблюдения над совстречаемостью и статистикой монетных типов в восточноевропейских кладах и данные нумизматической истории Халифата, Византии и Европы позволяют сформулировать детальную хронологическую систему (периодизацию) массового монетного обращения IX–XI вв. Эта система состоит из десяти ступеней (обозначены буквенными индексами от А до К), для каждой из которых выделяются доминирующие группы монет и хронологические индикаторы.

9. Выделенные десять ступеней хронологии монетного обращения можно объединить в четыре историко-экономических этапа: первый (вторая половина VIII – конец IX в.), второй (конец IX – середина X в.), третий (середина X – первая четверть XI в.) и четвертый (XI в.). Уточнение хронологии восточноевропейского монетного обращения эпохи раннего средневековья существенно для более глубокого изучения динамики, политогенеза и реконструкции экономических связей народов и государств Восточной Европы IX–XI вв.

10. Совокупность нумизматических источников раннесредневековой Восточной Европы имеет самостоятельное значение для понимания экономической истории и истории монетной чеканки в странах Халифата (Средиземноморье, Ближний Восток, Иран и Средняя Азия).

11. Эмблематика (тамги и граффити-эмблемы) и монеты-подражания являются самостоятельными и чрезвычайно информативными источниками по генеалогии правителей, символике власти и становлению аппарата администрации в ранних государствах Восточной Европы IX–XI вв. Памятники прокламативной монетной чеканки отражают в своей изобразительной программе эмблематику власти и принципы визуальной репрезентации личного и государственного суверенитета.

12. Приемы создания монетных типов, принципы организации легенд и изобразительного ряда этих групп нумизматических памятников изоморфны друг другу и отражают структурно-типологическое

сходство политических систем Хазарии, Булгарии и ранней Руси. Во всех случаях наблюдается единая модель возникновения независимой чеканки: производство подражательных монет с эмблемами власти (хазарскими и болгарскими тамгами, тамгами правителей Руси).

13. Привлечение нового сравнительного материала по морфологии, эпиграфике и семантике должностных подвесок в культуре ихшидидского Египта середины X в. позволяет подкрепить гипотезу о функциональной атрибуции древнерусских «геральдических» подвесок X–XI вв. как верительных знаков.

Апробация работы. Основные положения диссертации и лежащие в ее основе источниковедческие исследования опубликованы в 45 научных работах. Они обсуждались на научных конференциях, семинарах и заседаниях в ведущих исследовательских и образовательных центрах России (в Москве, Санкт-Петербурге, Казани) и зарубежья (в Оксфорде, Лидсе, Нью-Йорке, Стокгольме). Это, в частности, конференции «Восточная Европа в древности и средневековье» (ИВИ РАН), «Древняя Русь и германский мир в историко-филологической перспективе» (ИС РАН), «Вспомогательные исторические дисциплины» (РГГУ), а также тематические конференции по нумизматике, истории и культуре Древней Руси, Византии и Востока в Государственном Эрмитаже, круглый стол «Ибн Фадлан и его эпоха» (Казань) и Международный конгресс медиевистов (Лидс, Великобритания).

Структура диссертации определяется целями и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и иллюстративного приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обоснована актуальность темы исследования, определена цель и сформулированы задачи исследования, а также описаны методы и охарактеризована источниковая база диссертации.

В **главе 1** («Источниковедение известных ключевых письменных памятников о денежном обращении в Восточной Европе IX — начала XII в.») рассмотрены данные «Повести временных лет» (ПВЛ) начала XII в. и книг Ибн Хурдабиха, Ибн Рустаха, Ибн Фадлана, ал-Мукаддаси, ал-Кинди, ал-Бируни и ат-Танухи.

В разделе **1.1** («Нумизматическая лексика и нумизматические ситуации в «Повести временных лет»») текст ПВЛ начала XII в. рассматривается как источник по истории денежного обращения, денежной терминологии и типологии нумизматических ситуаций и в древнерусском обществе X–XI вв. История текста ПВЛ и предшествующих ей летописных сводов XI века разрабатывалась А. А. Шахматовым, М. Д. Приселковым, А. Н. Насоновым, Я. С. Лурье, А. А. Гиппиусом. В ос-

нове ранней древнерусской летописной традиции лежит прототекст, для которого современные текстологи используют условное название «Древнее сказание» и который датируется первой половиной — серединой XI в. Позднее, в течение второй половины XI — начала XII в. это ядро было в несколько этапов дополнено и расширено, что отразилось в текстах Новгородской Первой летописи (старшего и младшего изводов) и списках ПВЛ⁹.

Выделены летописные известия, содержащие блоки информации о финансово-экономических отношениях и разнотипных денежных единицах Восточной Европы X в. Лексико-семантический анализ этих известий позволяет выделить разные значения ключевых терминов денежного счета. В результате выстраиваются ряды омонимов, противопоставленные значения которых маркированы римскими цифрами (см. пример числовых индексов: гривна I, гривна II, гривна III, гривна IV). Так, на протяжении древнерусской истории слово *гривна* имело четыре диахронически сопряженных, но противопоставленных значения: *гривна I* ‘жесткое шейное украшение’, *гривна II* ‘крупная весовая единица денежного металла’, *гривна III* ‘слиток денежного металла весом в гривну II’ и *гривна IV* ‘счетная единица для мелких денежных единиц’ (последнее значение является связанным, поскольку эта гривна IV выступает только в словосочетаниях). Эти четыре значения составляют эволюционный ряд: I → II → III → IV.

При исчислении славянских даней X в. в сочетании с единицами обложения (муж, дым, рало) упоминаются две меховые и одна монетная единица: *белая веверица*, *черная куна*, *цьлягъ*, т. е. соответственно ‘шкурка зимней белки (*Sciurus*)’ (общеслав. *věverica), ‘шкурка куницы (*Martes*)’ (общеслав. *kuna) и ‘серебряная монета’ (общеслав. *šćblegъ, заимствование из герм. *skillingaz ‘то же’). При исчислении ежегодной новгородской дани киевскому князю Игорю упоминаются весовые единицы серебра — *гривны II*; в тех же единицах рассчитаны единовременная цареградская дань Олегу, окуп варягам, новгородская дань Ярослава Киеву и плата его гридям, трофейные дары старостам, смердам и новгородцам. Пятикратно встречается устойчивое сочетание *злато и наволоки* ‘золотые изделия и парча’: как персональная контрибуция Олегу от греков, как приношение Олега князю Игорю в Киев, как основа царского хозяйства Святослава и как взятка греческого цесаря Святославу; во всех этих контекстах налицо лексема *злато II* ‘золотые изделия’. Наконец, в значении ‘деньги’ употреблены две

---

⁹ См. итоговый обзор: *Гуппиус А. А.* До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // *Русь в IX–X веках: археологическая панорама / отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда, 2012. С. 36–63.*

лексемы: *куны III* (два случая) и *злато III* (один случай). Лексема *скоть I* ‘деньги’ в тексте «Древнего сказания» отсутствует, а *сребро* упоминается лишь единожды (в значении *сребро II* ‘серебряные предметы, серебряные изделия’); в то же самое время денежное серебро (*куны III*) систематически обозначается указанием сумм, рассчитанных в гривнах II. Кроме того, полное отсутствие в тексте «Древнего сказания» фразеологизованного копулятивного сочетания *злато и сребро* (вариант: *сребро и злато*) ‘богатство’ позволяет предположить, что это последнее получило распространение не ранее конца X в. и может быть добавлено к списку маркеров более поздних слоев древнейшей летописной традиции.

В текстологически более поздних известиях заключены важные контексты, позволяющие констатировать лексическую инновацию (*скоть I* ‘деньги’), реконструировать лексико-фразеологическую инновацию (*злато и сребро*, вариант: *сребро и злато*) и документировать лексику тернарного контраста ‘богатство’ vs. ‘деньги в форме весового серебра’ vs. ‘деньги в форме ценного меха’. Так, в записи под 6504/996 г. читаем о том, что Владимир Святославич *повелѣ <...> възимати <...> от скотнищѣ кунами*, где последнее означает денежные выплаты (кунами III) из княжеских сокровищниц (*скотъница < скоть I* ‘деньги; сокровище’). Настойчивое употребление в его прямой речи сочетания *злато и сребро* (трижды в одном предложении) явно указывает на его сильную фразеологизацию и значение ‘богатство’. Последний факт подтверждается следующим контекстом (рассказ о половецком разгроме Киева под 6576/1068 г.): и дворь княжь разграбиша, бецисленое множество злата поимаша и сребра и кунами и скорою, т.е. [половцы] разграбили княжеский двор, взяли несчетное количество богатства в виде денежного серебра и денежного меха, где налицо *злато и сребро* ‘богатство’, *куны III* ‘денежное серебро’ и *скора II* ‘денежный мех’. Лексема *скоть I* ‘деньги’ дважды встречается в следующем контексте в записи под 6526/1018 г.

В записи под 6583/1075 дается точное толкование значения слова *богатство*: Святославъ же величаяся показа имѣ богатство свое, они же видѣвше бецисленое множество злато и сребро и паволокы, т.е. под ‘богатством’ киевский летописец конца XI в. понимал обладание большим количеством золотых и серебряных предметов и парчи. Под 6559/1051 г. читаем в тексте сказания о создании Печерского монастыря (вставка составителя ПВЛ): Антонии бо не имѣ злата ни сребра, т.е. ‘не имел богатства’ (‘был беден’). Полностью тождественную трактовку термина *злато III* ‘деньги; денежная сумма’, выраженному гривнами II, находим в записи под 6605/1097 г. (рассказ о распре 1097 г.) и в «Поучении» Владимира Мономаха. Наконец, показателен следующий «русско-половецкий» контекст начала XII в. (запись под 6611/1103 г.):

приведоша Белдюзя, к Святополку, и нача Белдюзь даяти на собѣ злато, и сребро, и конѣ и скоть, т.е. речь идет о попытке откупиться с помощью золотых и серебряных изделий, коней и домашних животных — всего того, что составляло основу богатства половецкой знати.

Таким образом, летописному узусу древнейшей поры были хорошо известны концепты 'деньги' и 'богатство', а денежный и товарный обмен в диалоге обществ X — начала XII в., по данным ПВЛ, основывался на гибком и многоуровневом сосуществовании единиц разных функциональных типов. Совокупность нумизматических контекстов ПВЛ позволяет реконструировать фрагменты истории восточноевропейских денежных систем в статике и в динамике, продемонстрировать их лексическую и лексико-фразеологическую реализацию и преодолеть проблемы, связанные со смысловым разграничением омонимов, до сих пор представлявших трудности для интерпретации. Так, удастся преодолеть широко распространенное смешение (неразличение) таких представленных в тексте ПВЛ лексических омонимов как *злато I* 'золото, металл Au', *злато II* 'золотые предметы, золотые изделия' и *злато III* 'деньги', *куна I* 'шкурка куницы, единица куньего меха', *куна II* 'стоимостный эквивалент куны I в серебре' и *куны III* (pl. tantum) 'деньги', *скоть I* (sg. tantum) 'деньги; состояние, богатство' (герм. *skattaz 'то же') и *скоть II* (sg. tantum) 'домашние животные'.

«Прямая речь» князя Святослава Игоревича, зафиксированная в ПВЛ под 969 г., требует отдельного лингвокультурологического анализа как источник по экономическим представлениям древнерусской элиты. В этом текстовом отрезке перечислены «блага», позволяющие реконструировать несколько функциональных уровней княжеского хозяйства. Этими уровнями оказываются: (1) накопление денежных металлов (золота и серебра) и драгоценной парчи, (2) торговля наиболее ценными и/или востребованными живыми и сырьевыми товарами общеевропейского спроса (рабы, меха, воск и мед), поступающими с податных территорий Восточной Европы, (3) обеспечение собственно дружинного хозяйства (известное из других контекстов летописи внутриэлитное перераспределение золота, серебра и парчи), включающего проведение дружинных пиров (с вином, медом и фруктами) и формирование конницы, дополнившей ладейный флот. Подобная организация государственного хозяйства находят аналогии в таких письменных памятниках Востока и Запада XI в., описывающих нормы царской/имперской экономики раннего средневековья, как персидская «Книга царей» Абу-л-Касима Фирдауси и старофранцузской «Песни о Роланде».

В разделе 1.2 («Источниковедение ранней истории древнерусской платежной гривны») в качестве отправной точки при изучении структуры восточноевропейских денежных систем рассмотрена проблема

ранней истории этой ключевой единицы. Среди исследователей не было разногласий в том, что весовое и платежное значения (*гривна II* и *гривна III*) вторичны по отношению к значению гривны I как шейного украшения, однако вопроса о том, когда, при каких обстоятельствах и каким образом у др.-рус. *гривьна* 'гривна I' появилось новое значение 'гривна II', исследователи практически не касались. Наиболее правдоподобной гипотезой, предлагавшейся для объяснения развития 'шейное украшение' > 'весовая единица' > 'платежная единица' (гривна III как слиток стандартного веса) и с которой можно согласиться, является гипотеза об обращении металлических шейных колец стандартного веса в качестве примитивного платежного средства (так называемых *товаро-денег*). Тем не менее, вопросы датировки, локализации и описания условий обращения шейных гривен I как примитивных денег в специальной литературе XIX–XX вв. почти не затрагивались, а вопрос об истоках древнерусской весовой гривны II до сих пор остается нерешенным. По-видимому, это связано с широко распространенным представлением, согласно которому денежно-весовые единицы суть в первую очередь *весовые значения* и что их история должна изучаться именно как история весовых значений. В то же время с точки зрения исторической семиотики, весовая единица есть знак, и для оперирования им как целым нельзя отрывать весовое значение от соответствующего ему имени, правил сочетаемости с другими элементами денежно-весовой системы и способов его функционирования в культуре.

Др.-рус. *гривьна* во всех своих значениях — не заимствованное, а исконное слово, относящееся к общеславянскому лексическому фонду. Этот факт исключает возможность заимствованного характера древнерусской весовой гривны II, но принципиально не исключает влияния внешних и внутренних факторов на ее метрологическую и функциональную динамику на протяжении древнерусского времени и ранее. Сказанное позволяет заменить несколько расплывчатую проблему происхождения древнерусской гривны II четырьмя конкретными проблемами: (1) проблемой этимологии слова *гривьна*, (2) проблемой истории и метрологической динамики шейных гривен I, (3) проблемой метрологической динамики весовых гривен II, (4) проблемой функций платежных гривен III в древнерусских денежных системах.

Проведенный по данным «Книги» Ахмада ибн Фадлана и других письменных свидетельств анализ специфических функций и семиотического статуса шейных гривен в культуре Руси X–XI вв. позволяет прийти к предварительному заключению об ошибочности гипотезы о гривнах I как о раннедревнерусских товаро-деньгах. В то же время, языковые данные заставляют по-особому взглянуть на историю слова **grivьna* в общеславянской и балто-славянской перспективе и с учетом точной аналогии в древнеиндийской традиции. Согласно обосновыва-

емой точке зрения, семантическое расщепление и функциональное разделение шейной гривны I как бытового предмета и гривны II как единицы квантификации денежного металла произошло вне связи со сложением в конце I тыс. н. э. собственно древнерусской культуры и вне связи с событиями предшествующего тысячелетия; мы имеем дело с лексическим памятником примитивно-денежных систем Европы II тыс. до н. э., сохраненным культурой ранних славян и общеславянским языком.

В разделе 1.3 («Арабские источники по истории товарно-денежных систем в Восточной Европе IX–X вв.») рассматривается отражение систем товарно-денежного обращения и торгово-финансовых ситуаций в Восточной Европе в памятниках арабской письменной традиции IX–X вв. Рассмотрены и прокомментированы в историко-нумизматической и экономико-антропологической перспективе данные «Книги путей и стран» Ибн Хурдадбиха, «Анонимной записки» о странах и народах Восточной Европы (по тексту «Книги драгоценных сообщений» Ибн Рустаха и по тексту «Украшения известий» персоязычного историка Гардизи), «Книги» Ахмада ибн Фадлана, «Наилучшего страноведческого обозрения» ал-Мукаддаси, книги «Преданий, [услышанных в] кружках и рассказов, [почерпнутых в] беседах» ат-Танухи. При рассмотрении одной из важнейших товарно-денежных категорий русской торговли IX–X вв. (франских мечей, *ас-суйуф ал-фаранджийя*) впервые в отечественной историографии привлекаются и комментируются данные «Трактата о мечях» энциклопедиста ал-Кинди (IX в.). Ключевым выводом, следующим из совокупности сведений арабской традиции о товарно-денежных отношениях в Восточной Европе IX–X вв., является заключение об их комплексном, гибком и многоуровневом характере, сочетающим в себе товары и денежные единицы локального предложения и глобального спроса, востребованные обществами Восточной Европы (серебро, золото, бусы, драгоценные ткани) и Халифата (меха, оружие, рабы и рабыни).

Требует отдельного источниковедческого и культурологического анализа один из компонентов дружинно-торговой культуры русов IX–X вв., зафиксированных памятниками арабской традиции IX–X вв.: мужские золотые браслеты. По данным арабо-персидских источников («Анонимная записка» и продолжающие ее тексты), эти предметы являются элементом погребального инвентаря знатных русов. По данным русско-византийских договоров X в., древнерусские переводы которых включены в состав ПВЛ, золотые браслеты выступают как атрибут принесения клятвы. После работ Е.А. Мельниковой становится ясно, что в описанном наборе функций золотые браслеты соответствуют «клятвенным кольцам» скандинавской культуры эпохи викингов.

Глава 2 «Нумизматические источники IX–XI вв. о денежном обращении в Восточной Европе» посвящена, во-первых, систематическому анализу историографии отечественных историко-нумизматических исследований XIX–XX вв., необходимому для максимально полного учета публикаций монетных комплексов, и, во-вторых, вопросам источниковедения монет и монетных комплексов.

В разделе **2.1** («Историографический очерк изучения денежного обращения в Восточной Европе IX–XI вв.») суммирован опыт анализа и осмысления нумизматических памятников как комплексного источника по экономической и политической истории средневековых народов и государств Восточной Европы в науке XIX–XX вв. Рассмотрены, прежде всего, этапные работы авторов, которые не просто собирали и публиковали нумизматический материал, но и разрабатывали методы его систематизации, периодизации и интерпретации (Х. Д. Френ, П. С. Савельев, В. В. Григорьев, Р. Р. Фасмер, Н. П. Бауер, В. Л. Янин, В. М. Потин, Т. С. Нуан). В их исследованиях убедительно продемонстрирован высокий потенциал нумизматических источников для понимания процессов экономического развития разноуровневых и разномаштабных обществ Восточной Европы раннего средневековья.

В разделе **2.2** («Нумизматические памятники Восточной Европы: современный этап накопления источников») дан обзорно-критический очерк истории накопления, обобщения и пополнения базы нумизматических источников в 1960–2010-е гг. После этапных работ по основным группам монет В. Л. Янина, В. М. Потина и В. В. Кропоткина, продолжались публикации частных сводок и отдельных комплексов. Отметим отдельные сводки нумизматов и археологов, посвященные разным территориям (Е. А. Пахомов, В. Н. Рябцевич, Н. Ф. Когляр, В. В. Енуков, Р. М. Валеев, А. А. Гомзин) и группам находок (Е. А. Мельникова, А. В. Фомин, И. Г. Добровольский, В. С. Кулешов). В самое последнее время были опубликованы карты монетных и монетно-вещевых кладов (С. Братер, В. С. Кулешов, А. А. Гомзин, А. С. Щавелев, А. А. Фетисов).

В разделе **2.3** («Источниковедение истории денежного обращения стран Халифата и основные группы монет в восточноевропейских кладах») рассмотрены ключевые вопросы интерпретации серебряных монет VIII–XI вв. как исторического источника. Содержание этого источника многопланово и описывается сочетанием четырех видов информации: историко-политической (имена эмитентов — держателей монетной регалии и носителей власти), локально-хронологической (обозначения мест чеканки и годов выпуска), нормативно-финансовой (весовые нормы и нормы чистоты металла) и технологическо-стилистической (технологические нормы, нормы оформления, дизайна и монетной эпиграфики). Принципы источниковедения монет предпо-

лагают чтение их надписей методами эпиграфики, типологическую атрибуцию и датировку по оформлению и выпускным данным (эмитентам, месту и году чеканки), изучении структурного состава комплексов статистическими методами количественного анализа, встречаемости типов и сериации. Опираясь на эти виды информации, получаемые в рамках нумизматического источниковедения, выделяются типологические группы восточных монет и важнейшие хронологические индикаторы этапов нумизматической истории исламского Востока, монетное обращение которого предстает как исходное для формирования «монетных рынков» (А. В. Фомин) раннесредневековой Восточной Европы. Предложенный аналитический обзор опирается на типологию и периодизацию, введенную в новейших исследованиях зарубежных специалистов (М. Бэйтс, С. Албум, Л. Тредвелл) и широко применяемую в мировой нумизматической науке.

После административных реформ халифа 'Абд ал-Малика ибн Марвана система серебряной монетной чеканки к 750 г. приобрела окончательный вид. Эпоха 'аббасидских халифов занимает центральное место в истории монетного дела стран раннесредневековой арабомусульманской цивилизации в силу своей временной протяженности (750–945) и благодаря тому обстоятельству, что именно в этот период сложились, прошли ряд этапов развития, широко распространились и глубоко укоренились новые подходы к организации монетного дела, правила оформления монетных выпусков и принципы реализации государственного права чеканки (монетной регалии).

Общая схема 'аббасидской нумизматической хронологии, широко признанная в настоящее время, принадлежит Н. Ловику, М. Бэйтсу и С. Албуму, продолжившим и уточнившим наблюдения В. Г. Тизенгаузена. Согласно этой схеме, монетное дело халифата 'Аббасидов рассматривается в рамках трех периодов: от присяги ас-Саффаха до смерти ал-Ма'муна (750–833 гг.), от присяги ал-Му'тасим би-ллаха до смерти ал-Му'тамид 'ала-ллаха (833–892 гг.) и от присяги ал-Му'таид би-ллаха до падения власти багдадских 'Аббасидов при ал-Мустакфи би-ллахе (892–945 гг.). Для этих периодов приняты следующие обозначения: раннеаббасидский период (РА), среднеаббасидский период (СА) и позднеаббасидский период (ПА). По технологическим, типологическим и стилистическим особенностям серебряной чеканки эти периоды выражено разнятся, хотя при определении хронологических границ между ними приходится в определенной степени опираться и на события политической истории. Известны монетные типы более чем 110 монетных дворов, локализующихся на огромной территории от Северной Африки, Египта и Сирии до Средней Азии и Восточного Ирана, от Йемена до Верхней Месопотамии и Закавказья.

Для раннеаббасидского периода характерно разнообразие разновидностей куфических дирхамов, а монетное дело проходит несколько ступеней динамичного развития, датировка которых по данным монетной типологии выглядит следующим образом: РА I (132–145 гг. х., 750–763), РА II (146–159 гг. х., 763–776), РА III (160–178 гг. х., 776–795), РА IV (179–192 гг. х., 795–808), РА V (193–206 гг. х., 808–822), РА VI (207–217 гг. х., 822–832). Для этого периода фиксируются центробежные тенденции в политической истории и монетном деле периферийных регионов арабо-исламского мира. Наиболее важными из них являются отложение Испании (ал-Андалус), где продолжилось правление умайядской династии и чеканились анонимные серебряные монеты старого эпиграфического типа, и Дальнего Магриба, где в конце 780-х гг. утвердилась власть Идрисидов и их современников. В Северной Африке, номинально признававшей власть Аббасидов, местные наместники с 770-х гг. чеканили легковесные дирхамы, эпиграфический облик которых к началу 780-х гг. сильно деградировал по сравнению с нормами центральных монетных дворов. Массовая чеканка этих низкокачественных монет продолжалась до конца 790-х гг. Рубежным в рамках раннеаббасидского периода является 179 г. х. (795/796), отмеченный началом монетной реформы, о которой нет прямых и недвусмысленных упоминаний в письменных источниках. В рамках этой реформы за короткое время (795–800 гг.) было принято решение о законности обращения африканских монет и был эффективно реализован запрет на их обращение. Данные нумизматических источников (кладов рубежа VIII–IX вв. и первых десятилетий IX в.) убедительно показывают, что монеты африканских наместников были изъяты из обращения в Халифате и в течение 179–192 гг. х. (795–808 гг.) перечеканены на монетных дворах Ирака и Ирана; в это же время в Северной Африке со 184 г. х. (800 г.) утвердилась независимая династия Аглабидов, приступившая к чеканке собственных монет. Монеты африканской чеканки оказываются важнейшим маркером, так как с их притоком в центральные провинции в последней четверти VIII в. были связаны поступления прочих типологических групп Западного Средиземноморья, но после исключения их из денежного обращения Халифата на рубеже VIII–IX вв. это последнее существенно изменило по своей структуре.

К началу IX в. структура серебряного обращения в Халифате имела следующий вид: значительное место занимали монеты из обращения VII — первой половины VIII в. (драхмы Сасанидов и куфические дирхамы Умаййядов с примесью «арабо-сасанидских» дирхамов умайядских наместников Ирана), младшую фракцию составляют эпиграфические дирхамы первых аббасидских халифов (ас-Саффаха, ал-Мансура и ал-Махди) и монеты африканской чеканки (легкие дирхамы намест-

ников Северной Африки). В ходе следующей монетной реформы ал-Ма'муна 820-х гг. (С. Шамма) был установлен новый (среднеаббасидский) канон монетной стилистики и эпиграфики. С этого времени фиксируется резкое падение продуктивности монетных дворов, в том числе и столичных: монеты этого времени намного менее частотны, чем монеты IV–V ступеней чеканки (второй половины 790-х по 810-е гг.). Изменяется и география производства: при ал-Ма'муне количественно доминируют монеты Ирана и Средней Азии. С завершением реформы ал-Ма'муна монетное дело Халифата вступило в среднеаббасидский период, особенностями которого явились стабилизация эпиграфического канона и низкая вариабельность монетных типов, а также качественное и прогрессирующее ухудшение технологических стандартов чеканки. Во второй трети IX в. в обращении появляются так называемые «слепые дирхамы», чеканенные частично, сильно и даже полностью сработанными штемпелями. Это явление, начавшееся в восточных провинциях Халифата, к 840-м и 850-м гг. захватывает и столичные монетные дворы. Процесс ухудшения качества серебряной чеканки достигает пика при ал-Муста'ин би-ллахе и ал-Му'тазз би-ллахе (860-е гг.). Нумизматическая история среднеаббасидского периода оказывается намного менее расчлененной, чем раннеаббасидского: выделяются лишь две ступени, СА I (218–253 гг. х., 833–867) и СА II (254–278 гг. х., 868–892). Разница между этими ступенями заключается в объемах чеканки: если в течение СА I она возрастала, что уже к 850-м гг. позволило среднеаббасидским дирхамам достичь в обращении паритета с монетами конца 790-х — начала 820-х гг., то в конце 860-х и на протяжении 870–880-х гг. она упала до исчезающе низких показателей: 'аббасидские монеты ступени СА II слабо заметны в денежном обращении последней трети IX в.

На среднеаббасидском этапе фиксируется продолжение центрбежных тенденций в политической динамике и нумизматическом деле Халифата. Отдельными нумизматическими эпизодами представлено отделение ал-Джибала (монеты Дулафидов и повстанцев Казвина), Табаристана (монеты 'Алидов) и в 870–890-х гг. Тохаристана и Фарса (монеты Саффаридов, Баниджуридов и их современников). Эмиссии последних династов особенно важны, так как их монеты формируют хронологически значимую фракцию в монетном обращении последней четверти IX и первых десятилетий X в. Финал этого же периода маркирован и крупнейшим событием политической и нумизматической истории Халифата, оказавшем влияние на монетное обращение Восточной Европы: выделением среднеазиатского государства Саманидов.

Обретение Саманидским эмиратом независимости отмечено началом мощной серебряной эмиссии, начавшейся переходными 'аббасидско-саманидскими типами (279–281 гг. х., 892–895) и продолжившейся

(с 282 г. х., 895/896) полностью независимой чеканкой монет с именами правителей-Саманидов. Выделяется (Г. Рисплинг) три периода серебряной чеканки: ранний (Сам1, 282–332 гг. х., 895–943, практически синхронен позднеаббасидскому периоду), средний (Сам2, 333–366 гг. х., 944–976) и поздний (Сам3, 367–389 гг. х., 977–999). На позднем этапе выделяются эмиссии саманидских наместников и их вассалов из рода Симджуридов. Монетные дворы государства Саманидов располагались в крупнейших городских центрах (Самарканд, Бухара, Мерв, Нишапур, Балх) и при серебряных рудниках (аш-Шаш, Андараба), а выпускавшиеся на них монеты ежегодно доставлялась караванным путем из Хорезма на товарные рынки Хазарии и Волжской Булгарии (Нижнее и Среднее Поволжье).

К 945 г. относится падение политической власти ‘аббасидских халифов и финал нумизматической истории Багдадского халифата. На смену ему приходят династии Буидов (Бувайхидов) в восточных провинциях бывшего Халифата, Хамданидов в Сирии и Верхней Месопотамии, Ихшидидов — в Египте (эмиссии последних двух государств невелики по объему). Буиды чеканили серебро на более чем шестидесяти монетных дворах Ирака, Фарса (Персии), Северо-Восточного и Центрального Ирана на протяжении более столетия (930–1045); типология их дирхамов подробно изучена (Л. Тредвелл). Заметным эпизодом нумизматической истории второй половины X в. является и серебряная чеканка династии Зийаридов на южнокаспийских монетных дворах Амул, Астарабад, Сарийа и Джурджан. Продолжавшаяся всего десятилетие (358–368 гг. х., 969–978), она в свете восточноевропейских кладов выглядит массовой. Наконец, рубеж X–XI вв. отмечен выходом на историческую сцену нескольких новых исламских государств, серебряные эмиссии которых хорошо известны в восточноевропейском монетном обращении первых десятилетий XI в.: это эмираты ‘Укайлидов и Марванидов в Верхней Месопотамии и на востоке Малой Азии (с 990-х гг.) и Караханидский каганат в Центральной Азии (с 1000-х гг.).

Таким образом, по данным нумизматических источников (монетной типологии и кладовых комплексов) надежно реконструируются этапы развития монетного хозяйства раннесредневековой исламской цивилизации и выделяются ключевые группы монет в денежном обращении Восточной Европы IX–XI вв. Наиболее представительны дирхамы Умаййадов, ‘Аббасидов раннего этапа, ‘аббасидских наместников Северной Африки, ‘аббасидских наместников Табаристана, ‘Аббасидов среднего этапа, Саманидов и их вассалов, Буидов (вторая половина X в.) и Зийаридов. Малыми, но диагностически значимыми сериями представлены монеты Сасанидов и умаййадских наместников Ирана, Идрисидов и их современников, ‘Алидов Табаристана, Саффа-

ридов, Баниджуридов и их современников, ‘Аббасидов позднего этапа, династов Сирии (Хамданиды), Закавказья (Саджидов и Салларидов), Верхнего Ирака и Малой Азии (‘Укайлидов и Марванидов) и Средней Азии (Симджуридов и Караханидов).

В разделе 2.4 («Хронология (периодизация) восточноевропейского монетного обращения второй половины VIII — XI в.») на основании типохронологического анализа, сериации и выводов о композиционной динамике восточноевропейских кладов предложена новая дробная хронологическая система (периодизация) денежного обращения второй половины VIII — конца XI в. По данным, накопленным к настоящему времени, начало ощутимого поступления куфических дирхамов в Восточную Европу датируется серединой — второй половиной VIII в. и маркируется четырьмя региональными зонами концентрации находок: Северный Кавказ (Дагестан, Чечня и Северная Осетия), верхнее течение Северского Донца (славяно-хазарское пограничье), Нижнее Поволжье и более широкая и культурно дифференцированная средневожско-камская зона.

Эпоха массового депонирования монетных кладов начинается в начале IX в. Наблюдения над динамикой типологического состава кладов IX в. и сериации кладов по процентному соотношению узко датированных эмиссионных групп и по младшим монетам позволяют выделить следующие ступени восточноевропейского монетного обращения второй половины VIII — IX в.:

Ступень А: ок. 750/760–780/790 (30–35 лет), соответствует денежному обращению Халифата середины и третьей четверти VIII в. Типологические группы-маркеры: сасанидские драхмы, умайядские и первые ‘аббасидские дирхамы.

Ступень В: ок. 780/790–800/810 (20–25 лет), соответствует денежному обращению Халифата последней четверти VIII в. Типологические группы-маркеры: дирхамы ‘аббасидских наместников Северной Африки и Табаристана.

Ступень С: ок. 800/810–850 (40–45 лет), соответствует денежному обращению Халифата от рубежа VIII–IX вв. до конца правления ал-Васик би-ллаха (842–847). Для очень больших кладов, независимо датированных контекстов и комплексов с хазарскими подражаниями второй четверти IX в. эта ступень может быть подразделена на С1 (ок. 800/810 — 820-е гг.) и С2 (830–840-е гг.). Типологические группы-маркеры: раннеаббасидские дирхамы ар-Рашида, ал-Амина и ал-Ма’муна, хазарские подражания второй четверти IX в. (только С2).

Ступень D: ок. 850–895/905 (45–50 лет), соответствует денежному обращению Халифата от начала правления ал-Мутаваккил ‘ала-ллаха (847–861) до начала позднеаббасидского периода. Для очень больших кладов, независимо датированных контекстов и комплексов с саффа-

ридными и баниджуридскими монетами может быть подразделена на D1 (850–870-е гг.) и D2 (880–900-е гг.). Типологические группы-маркеры: среднеаббасидские «слепые» дирхамы, хазарские подражания второй половины IX в., монеты поздних современников средних 'Аббасидов (только D2).

Наблюдения такого же рода над динамикой типологического состава кладов X в., в массе своей не имеющих ничего общего с композицией кладов IX в., позволяют выделить следующие ступени.

Ступень Е: ок. 895/905–945/955 (50–55 лет), соответствует серебряному монетному обращению государства Саманидов времени Исма'ила ибн Ахмада, Ахмада ибн Исма'ила и Насра ибн Ахмада. Типологические группы-маркеры: восточноевропейские (хазарские и волжско-булгарские) подражания, позднеаббасидские дирхамы 279–334 г. х., дирхамы Саффаридов, Саджидов, реже — ранние Буиды (до 945 г.), Ваджихиды (Йусуф ибн Ваджих); может быть намечено более детальное членение ступени: ступень E1a (ок. 895–908), ступень E1b (ок. 909–914), ступень E1c (ок. 915–924), ступень E2 (ок. 925–945).

Ступень F: ок. 945/955–969/979 (25–30 лет), соответствует серебряному монетному обращению ранней поры позднего («бухарского») этапа саманидской серебряной чеканки времени Нуха ибн Насра, 'Абд ал-Малика ибн Нуха и Мансура ибн Нуха. Типологические группы-маркеры: дирхамы Буидов после 945 г., дирхамы правителей Волжской Булгарии (Мика'ила ибн Джа'фара, 'Абдаллаха ибн Мика'ила, Талиба ибн Ахмада), Хамданидов, Салларидов, поздних Ваджихидов (Мухаммада ибн Йусуфа и 'Умара ибн Йусуфа), Джуландидов, хорезмшаха-Афригида Ахмада ибн Мухаммада (только тип 348 г. х.), саманидский вассальный чекан Тохаристана («большие дирхамы»), а также — за пределами комплекса исламских монет — индийские джиталы раджей Кабула и византийские милиарисии.

Ступень G: ок. 969/979–994/1004 (25–30 лет), соответствует серебряному обращению государства Саманидов времени Мансура ибн Нуха и Нуха ибн Мансура (включая вассальный чекан Симжуридов и наместников Хорасана). Типологические группы-маркеры: дирхамы Зийаридов, Бавандидов Табаристана и поздних Буидов, дирхамы и брактеаты правителей Волжской Булгарии (суварского Му'мина ибн Ахмада и болгарского Му'мина ибн ал-Хасана), а также византийские милиарисии Василия II и Константина VIII и европейские денарии.

Ступень H: ок. 994/1004–1015/1025 (20–25 лет). Типологические группы-маркеры: дирхамы Марванидов, 'Укайлидов («тип А», представленный памятниками Руси и Прибалтики), поздних Зийаридов, хорезмшахов-Ма'мунидов («тип Б», представленный памятниками Волжской Булгарии) и Караханидов. В рамках этой ступени структуре монетного обращения начинают доминировать европейские денарии и

византийские милиарисии Василия II и Константина VIII, выпускавшиеся до 1025 г.

Ступень J: ок. 1015/1025–1050/60-е гг. (30–40 лет). В начале этой ступени практически полностью прекращается ввоз в Восточную Европу исламских монет, но в обращении (в том числе во вторичной функции ювелирных подвесок) сохраняются монеты предшествующих хронологических ступеней и фрагменты куфических монет как весовое серебро в кладях европейских денариев (главным образом, пореформенных англо-саксонских времени Этельреда II и Кнута Великого и денариев немецких городов 990–1040-х гг.); верхняя граница ступени размыта, поскольку в области типологического изучения немецких денариев второй трети XI в. сохраняется немало количество малоизученных вопросов классификации и датировки монетных типов.

Ступень K: ок. 1050/60–1090/1100-е гг. (40–50 лет). Особенностью этой ступени является количественное преобладание немецких денариев фризских монетных дворов; к концу XI в. поступление монетного серебра практически иссякает.

В главе 3 («Эмблематические источники по истории монетной регалии и символике власти раннегосударственных образований Восточной Европы IX–XI вв. (Хазарии, Волжской Булгарии и Руси)») последовательно рассмотрены тамги, граффити и другие геральдические знаки, использовавшиеся на монетах и подвесках.

В разделе 3.1 («Памятники монетной чеканки и эмблематики Хазарии IX в.») рассмотрены дирхамы с тамгой в виде трезубца с левым отростком и «рунические дирхамы» с тамгой в виде сердцевидного трезубца. Первые монеты, связываемые с монетным производством Хазарии, относятся к началу и первой половине IX в.: это подражания табаристанским драхмам и раннеаббасидским эпиграфическим дирхамам. Последние разнообразны по типам, но легко выделяются по специфическим признакам: ошибкам в монетных легендах, тонким признакам эпиграфики, несоответствию среднеаббасидского характера монетных заготовок раннеаббасидскому канону надписей (А. А. Быков, Г. Рисплинг, Р. К. Ковалев). Большинство типов объединяется штемпельными связями в несколько цепочек, что позволяет говорить об ограниченном числе центров производства штемпелей (один или два). Самые известные типы этой группы несут в надписи выпускные данные «Ард ал-хазар, 223 г. х.» («Земля хазар, 838 г.»). Обозначение Хазарии как «земли» (араб. *ард*) имеет аналогии в памятниках арабской историко-географической традиции IX — начала X в. (ал-Йа'куби, Ибн Хурдадбих, Ибн ал-Факих).

Привлекает большое внимание группа типов (три типа, пять штемпелей) редчайших хазарских монет середины IX в., известных в специальной литературе под названием «рунических дирхамов» (А. Рона-

Таш, В. С. Кулешов, И. Л. Кызласов). На их штемпелях вырезаны подражания арабским легендам и оригинальные надписи особым дуктом тюркского рунического алфавита, получившего название «кубанского письма» (И. Л. Кызласов). Это письмо не дешифровано, а легенды на монетах не прочитаны.

В последние десятилетия IX в. центр чеканки подражаний хазарского облика, по-видимому, перемещается в восточную часть северокавказского региона, что устанавливается фактом особой близости этой группы подражаний (по монетным заготовкам и характеру эпиграфики штемпелей) монетной продукции провинции Арминия с центром в городе Барда'а в Восточном Закавказье. Имитации этой поздней группы следуют в целом той же подражательной стратегии, что и более ранние типы.

В разделе 3.2 («Памятники монетной чеканки и эмблематики Волжской Булгарии X в.») рассмотрены именные монеты *ал-амира йалтавара* (Алмыш-Джа'фара) и его преемников в Булгаре и Суваре: Мика'ила ибн Джа'фара, 'Абдаллаха ибн Мика'ила, Талиба ибн Ахмада, Му'мина ибн Ахмада, Му'мина ибн ал-Хасана и 'Абд ар-Рахмана ибн Му'мина. Привлекают внимание монеты с тамгами Мика'ила ибн Джа'фара (крестовидный трезубец), Ахмада (тамга в виде горизонтальной ветви на монетах без обозначения имени этого правителя), Му'мина ибн Ахмада (тамга в виде горизонтальной ветви с боковым штрихом) и Му'мина ибн ал-Хасана (тамга, напоминающая обращенную вверх греческую альфу с ломаной гостой). Надписи на монетах Волжской Булгарии — единственный источник по генеалогии правителей этого раннего государства X в.

Они впервые выделены в 1820-х гг. Х. Д. Френом, но только после работ Р. Р. Фасмера, С. А. Яниной, А. А. Молчанова и Г. Рисплинга их типология и эмиссионная история обрела законченный вид. Монетное дело Волжской Булгарии представлено двумя группами эмиссий: во-первых, именными монетами и, во-вторых, подражаниями с именами саманидских правителей. Их штемпеля изготавливались одними и теми же мастерами, а чеканка велась по крайней мере в двух центрах, указанных на монетах — Булгаре и Суваре.

Известны надежно атрибутированные именные монеты следующих семи правителей: Алмыш (на монетах: *ал-амир йалтавар*, т. е. титул, какой, по словам арабского автора X в. Ахмада ибн Фадлана, использовался в хутбе в год принятия ислама в Волжской Булгарии), Мика'ила ибн Джафара, 'Абдаллаха ибн Мика'ила (все чеканены в Булгаре), Талиба ибн Ахмада, Му'мина ибн Ахмада (обе группы — в Суваре), Му'мина ибн ал-Хасана и 'Абд ар-Рахмана ибн Му'мина (обе группы — в Булгаре). По монетным типам известны тамги 'Абдаллаха ибн Мика'ила, Му'мина ибн Ахмада и его отца (не чеканившего имен-

ных монет) Ахмада, Му'мина ибн ал-Хасана и, возможно, 'Абд ар-Рахмана ибн Му'мина (уникальная монета, опубликованная А. А. Молчановым, на которой, возможно, имеется тамгообразный знак плохой сохранности). Таким образом, по именам эмитентов монет устанавливается существование в Волжской Булгарии двух или трех правящих династий, представленных несколькими поколениями: болгарской династии Алмыша-Джа'фара 920–950-х гг. (*ал-амир йалтавар* Джа'фар, Мика'ил, 'Абдаллах), суварской династии Ахмада 950–970-х гг. (братья Талиб и Му'мин) и болгарской династии ал-Хасана 970–990-х гг. (Му'мин, 'Абд ар-Рахман). Булгарский правитель ал-Хасан мог относиться к роду Алмыша, но мог и не принадлежать к нему: данных на этот счет нет. Что касается суварской династии, то о ее фактической независимости от обеих болгарских династий может свидетельствовать совпадение собственных имен двух Му'минов — суварского и болгарского (по монетам они полностью синхронны) — при различии их тамг (личных эмблем).

В разделе 3.3 («Памятники монетной чеканки и эмблематики Руси середины X в.») рассмотрены дирхамы с соколиной головкой, увенчанной крестом. Особое внимание в источниковедческом анализе уделяется их графической системе и семантике дизайна, а также их возможным связям с более поздними памятниками русской нумизматики конца X в. — начала XI в. (сребреникам Святополка)¹⁰. «Русские подражания» куфическим дирхамам, хронологически предшествующие древнейшим русским монетам византийского стиля (Владимира и Святополка-Петра), выделяются по нумизматико-эмблематическим признакам — особенностям изобразительности и геральдического ряда.

Чрезвычайно редкие так называемые «русские подражания» куфическим дирхамам, хронологически предшествующие древнейшим русским монетам византийского стиля, имеют изображения равноконечных крестов «русско-византийского облика» и фигуративные эмблемы в виде ромбических фигур с навершием в виде птичьей (соколиной?) головы, объединенные Г. Рисплингом в группу «христианских подражаний». Территориальный и культурный контекст этих монет позволили Р. К. Ковалеву обосновать гипотезу, согласно которой увенчанный крестом сокол является эмблемой (личной тамгой?) княгини Ольги, принятым ею около рубежа 950-х гг.

---

¹⁰ Гайдуков П. Г., Калинин В. А. Древнейшие русские монеты // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда, 2012. С. 402–435. Ср. также: *Androshchuk F. Images of Power: Byzantium and Nordic Coinage*, с. 995–1035. Kyiv; Paris: 2016.

Совпадения элементов графики первых русских подражаний дирхамам и древнейших сребреников князей Владимира и Святополка являют то общее и ключевое, что сохранялось при переходе от «исламского» стиля подражания, основанного на копировании элементов дизайна саманидских дирхамов, к «византийскому» стилю. Дизайн и эмблемы первых русских монет показывают, какими средствами и какой круг задач решали монетные мастера Руси в процессе выработки национально-ориентированных монетных типов ранних Рюриковичей.

В разделе 3.4 («Геральдические подвески и монетные граффити как источник по древнейшей русской эмблематике») рассмотрены вопросы функциональной атрибуции и геральдической валентности артефактов, использовавшихся как верительные знаки представителей власти на Руси X–XI вв. А. А. Молчанов установил, что такого рода верительные знаки описаны в древнескандинавских сагах как *jartegnir* ‘знаки’. Нами найдена дополнительная аналогия из сферы должностной эмблематики ихшидидского Египта середины X в., представляющая собою двустороннюю круглую подвеску с именами ‘Али ибн Мухаммада ибн Тугджа (961–966), третьего правителя из династии Ихшидидов, и некоего *устāза* Абу Мухаммада, официальная должность которого указана как ‘прокурор’ или ‘аудитор’ (араб. *дāзувар ал-амīр*). Таким образом, форма этого египетского должностного знака, его надписи и способ их визуальной репрезентации должны были удостоверить назначение на должность и уровень субординации.

В **заключении** подведены основные итоги диссертации, суммированы выводы и намечены пути дальнейших исследований в рамках рассмотренных тем.

В IX–XI вв. в регионах Восточной Европы бытовали варианты денежных систем, единицы которых формально принадлежали к классам металлических денег (весовое серебро, монеты, золото), меховых товаро-денег (шкурки драгоценных пушных зверей) и товаро-денег иных групп (мечи, стеклянные бусы, штуки шелка/парчи). Анализ нумизматических источников позволил выявить десять этапов (ступеней) динамики структурного состава массового обращения серебряных монет в Восточной Европе. Изученная структура денежного обращения не являлась уникальной и входила в широкий международный экономический контекст, отражая диалог народов и культур Западной Евразии.

Источниковедческое (текстологическое и лингвистическое) изучение контекстов и терминов товарно-денежного обращения в древнерусских летописях и памятниках арабской классической литературы показало, что общности Восточной Европы IX–XI вв. (прежде всего, ранняя Русь) использовали гибкую и многоплановую систему обозначений денежных, весовых и товарных единиц. Высший уровень этой

системы представлен денежными металлами (золотом и серебром), нумеративные единицы которых исходно связаны с обозначениями украшений (гривна). Другими элементами этой системы номинаций являлись обозначения ценных мехов (куна, веверица/векша) и тканей (паволока). Наконец, в эту систему входили и заимствованные термины для обозначения монет и богатства: ногата (из тюрк. **naɣat*), пенязь (из герм. **peningaz*), щьяльгъ (из герм. **skillingaz*), скот (из герм. **skattaz*).

Разработана подробная хронологическая система (периодизация) массового обращения серебряных монет, состоящая из десяти ступеней (обозначенных буквенными индексами от А до К), которые объединяются в четыре историко-экономических этапа.

Первый этап (ступени денежного обращения А, В, С и D) датируется второй половиной VIII — концом IX в.: это этап возникновения массового монетного обращения и появления практики тезаврации денежного серебра (дирхамов) средиземноморского и ближневосточного происхождения. Второй этап (ступень денежного обращения Е) датируется концом IX — серединой X в.: это этап расцвета массового обращения и тезаврации монетного серебра среднеазиатского происхождения и расширения форм и векторов международной торговли. Третий этап (ступени денежного обращения F, G и H) датируется серединой X — первой четвертью XI в.: это этап насыщения денежных рынков монетами многочисленных исламских государств, Византии, Англии и Германии. Четвертый этап (ступени денежного обращения J и K) датируется XI в.: это переход к так называемому «безмонетному периоду» (в южных областях) и время обращения немецких денариев (в северных областях). Позднее монеты теряют значение в хозяйственно-экономической жизни Восточной Европы.

Совокупность артефактов восточноевропейской монетной чеканки IX–X вв., несущих эмблематику власти, отражает формирующиеся системы прокламации суверенитета ранних государств Хазарии, Булгарии и Руси. Тамги, геральдические граффити и монеты-подражания отражают разные, но сопоставимые идеологические представления. Сходство их морфологии и технико-технологических приемов изготовления находит аналогии в синхронном сравнительном контексте (Скандинавия, Египет).

Публикации по теме диссертации

Статьи в ведущих научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ для опубликования основных результатов диссертационного исследования:

1. *Кулешов В.С.* Периодизация монетного обращения середины VIII – начала XI в. в Восточной Европе и динамика экономических связей древнейших русских дружин // Управленческое консультирование: Научно-практический журнал. № 2 (86). СПб., 2016. С. 169–179.
2. *Кулешов В.С.* Система экономических оснований древнерусского политогенеза // Управленческое консультирование: Научно-практический журнал. № 3 (87). СПб., 2016. С. 202–208.
3. *Кулешов В.С.* К проблемам реконструкции древнерусских денежных систем и денежного счета //: Электронный научный образовательный журнал «История». Т. 8. Вып. 3 (57). М., 2017.

Публикации источников:

4. *Кулешов В.С.* Сведения о европейских и русских мечах в памятниках арабской литературы IX–XI веков. (Оружейный семинар, Гос. Эрмитаж.) СПб., 2016. 15 с.
5. Книга Ахмада ибн Фадлана / Пер. с арабского и примеч. В.С. Кулешова // Путешествие Ибн Фадлана. Волжский путь от Багдада до Булгара: Каталог выставки. М., 2016. С. 18–47.

Статьи:

6. *Кулешов В.С.* Дирхем // Большая Российская энциклопедия. Т. 9: Динамика атмосферы – Железнодорожный узел. М., 2007. С. 53–54.
7. *Кулешов В.С.* «Рунический дирхам»: новый источник для истории хазарской геральдики? (Семинар «Геральдика – вспомогательная историческая дисциплина», Гос. Эрмитаж.) СПб., 2009. 8 с.
8. *Кулешов В.С.* Из истории арабской географической традиции: «восточноевропейский текст» и «Книга» Ахмада ибн Фадлана // Наука и техника: вопросы истории и теории. Вып. XXV: Тез. XXX межг. годичной конф. Санкт-Петербургского отделения нац. комитета по истории и философии науки и техники РАН (23–27 ноября 2009 г.). СПб., 2009. С. 227–230.
9. *Кулешов В.С.* Периодизация чеканки куфических дирхамов в Халифате Умаййадов (по данным нумизматических источников) // Материалы и исследования Отдела нумизматики: Памяти А. А. Марковой (1895–1975). (Труды Гос. Эрмитажа. Т. XLVIII.) СПб., 2009. С. 86–97, табл. 1–2.

10. *Кулешов В.С.* Малоизвестное сообщение о Восточной Европе в «Нишвар ал-мухадара» ат-Танухи // Наука и техника: вопросы истории и теории. Вып. XXVI: Тезисы XXXI международной годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН (22–26 ноября 2010 г.). СПб., 2010. С. 271–273.

11. *Гурулева В.В., Кулешов В.С., Юрченко Т.В.* Монеты из Славянского (Анастасиевского) клада // Нумизматика и эпиграфика: Сб. науч. трудов. Вып. XVIII. М., 2011. С. 136–186, табл. XXI–XXXIV.

12. *Кулешов В.С.* Шумиловский клад // Нумизматика и эпиграфика: Сб. науч. трудов. Вып. XVIII. М., 2011. С. 191–194, табл. XXXV.

13. *Кулешов В.С.* Новые данные о граффити на умайядских монетах Большого Тимеревского клада из собрания Эрмитажа // Сообщения Гос. Эрмитажа. Вып. LXX. СПб., 2012. С. 154–156.

14. *Кулешов В.С.* К предыстории древнерусской платежной гривны // Материалы и исследования Отдела нумизматики. (Труды Гос. Эрмитажа. Т. LXI.) СПб., 2012. С. 151–174.

15. *Кулешов В.С.* Киевские клады первой половины X в. и нумизматическая хронология могильника на Старокиевской горе // Первые каменные храмы Древней Руси: Мат-лы архитектурно-археологического семинара 22–24 ноября 2010 года. (Труды Гос. Эрмитажа. Т. LXV.) СПб., 2012. С. 162–184.

16. *Кулешов В.С.* Манкус Барселонского графства XI в. из Киевского клада 1899 г. // Первые каменные храмы Древней Руси: Материалы архитектурно-археологического семинара 22–24 ноября 2010 года. (Труды Гос. Эрмитажа. Т. LXV.) СПб., 2012. С. 211–217.

17. *Кулешов В.С.* Карта восточноевропейских кладов куфических монет VIII–IX вв. // Русь в IX–X веках: Археологическая панорама / отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда, 2012. С. 387–389.

18. *Кулешов В.С.* Комплекс умайядских монет Элмедского клада и его выдающееся историко-культурное значение // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции : Сб. науч. тр. Вып. VIII: Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования проблемы сохранения и музеефикации. Пермь, 2012. С. 218–227.

19. *Кулешов В.С.* О типологическом и хронологическом соотношении хазарских рунических дирхамов и монет Абхазского царства IX в. // Нумизматические чтения 2013 года (Москва, 19–20 ноября 2013 г.): Материалы докладов и сообщений М., 2013. С. 40–42.

20. *Кулешов В.С.* О грузинских подражаниях ‘Аббасидам и о так называемой «монете Баграта III» из собрания Эрмитажа // Византия в контексте мировой культуры: Сб. науч. трудов памяти Алисы Владимировны Банк. (Труды Гос. Эрмитажа. Т. LXIX.) СПб., 2013. С. 370–382.

21. *Кулешов В.С.* Вновь выявленные монеты правителей Восточного Закавказья XI века в собрании Эрмитажа // Сообщения Гос. Эрмитажа. Вып. LXXII. СПб., 2014. С. 203–212.
22. *Кулешов В.С.* Колбяги и Ладожское ярлство (заметки к теме) // Северная Русь и Балтика в середине XII столетия: к 850-летию героической обороны Ладоги и победы на реке Вороной: Сб. ст. СПб., 2014. С. 129–139.
23. *Кулешов В.С.* О работе Р. Р. Фасмера и А. А. Быкова над Безлюдовским кладом // Безлюдовский клад X в.: материалы и исследования: Сб. науч. ст. (Археология евразийских степей. Вып. 18.) Казань, 2014. С. 161–166.
24. *Кулешов В.С.* Раннесредневековое славяно-финское пограничье в памятниках лексики // Восточная Европа в древности и средневековье. Государственная территория как фактор политогенеза: XXVII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто (Москва, 15–17 апреля 2015 г.): Материалы конференции. М., 2015. С. 168–175.
25. *Кулешов В.С., Орлов К.В.* От Закавказья до Ладоги: серебряные слитки Алибадского клада в собрании Эрмитажа // Русское денежное обращение в X–XVII вв.: Нумизматический сб. к 60-летию П. Г. Гайдукова. М., 2015. С. 18–25.
26. *Кулешов В.С.* Дирхам с изображением увенчанного крестом сокола (Rispling FM/BC II) в собрании Эрмитажа // Русское денежное обращение в X–XVII вв.: Нумизматический сб. к 60-летию П. Г. Гайдукова. М., 2015. С. 26–31.
27. *Кулешов В.С., Еремеев И.И.* Глазуновский клад куфических монет IX в. // Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки истории и археологии Псковско-Белорусского Подвинья). (Труды ИИМК РАН. Т. XLIV.) СПб., 2015. С. 605–609.
28. *Кулешов В.С.* Характеристика нумизматического комплекса поселения в ур. Юрьевы Горы // Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки истории и археологии Псковско-Белорусского Подвинья). (Труды ИИМК РАН. Т. XLIV.) СПб., 2015. С. 610–611.
29. *Илиш Л., Кулешов В.С.* Монеты ‘Укайлидов и Марвāнидов из Васьковского клада в собрании Эрмитажа // Сообщения Гос. Эрмитажа. Вып. LXXIV. СПб., 2016. С. 129–145.
30. *Кулешов В. С.* «Книга» Ахмада ибн Фадлана как литературный памятник и исторический источник // Путешествие Ибн Фадлана. Волжский путь от Багдада до Булгара: Каталог выставки. М., 2016. С. 48–55.

31. *Кулешов В.С.* Эпоха Ибн Фадлана в памятниках нумизматики // Путешествие Ибн Фадлана. Волжский путь от Багдада до Булгара: Каталог выставки. М., 2016. С. 512–517.

32. *Кулешов В.С.* Ихшидидский должностной знак из собрания Эрмитажа и монета-подвеска с парными граффити из Свирьстройского клада: некоторые общие вопросы формы и функции // Нумизматические чтения Гос. Исторического музея 2016 года (22 и 23 ноября 2016 г.): Материалы докладов и сообщений. М., 2016. С. 38–42.

33. *Кулешов В.С.* Средиземноморье, Балканы и Восточная Европа: памятники монетного обращения еврейских общин (VIII–XIII века) // Белградский сборник: К XXIII Международному конгрессу византинистов (Белград, Сербия, 22–27 августа 2016 года). (Труды Гос. Эрмитажа. Т. LXXX.) СПб., 2016. С. 85–104.

34. *Кулешов В.С.* Золотые браслеты русов IX–XI вв.: тексты, вещи и функции // В камне и в бронзе: Сб. ст. в честь А. А. Песковой. (ИИМК РАН. Труды. Т. XLVIII.) СПб., 2017. С. 253–258.

35. *Кулешов В.С.* О работе И. Г. Добровольского над эстонскими кладами куфических монет X века // Материалы и исследования Отдела нумизматики. (Труды Гос. Эрмитажа. Т. LXXXVII.) СПб., 2017. С. 409–410.

36. *Кулешов В.С.* Хронология раннеаббасидских наместников Табаристана в устной традиции и в памятниках нумизматики: проблема корреляции разноплановых источников // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXIX Международной научной конференции (Москва, 13–15 апреля 2017 г.). Москва, 2017. С. 213–220.

37. *Кулешов В.С.* Югорское общество V–XV вв.: модель сакральной экономики, археологическая атрибуция и проблема этнической принадлежности // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XII: Средневековая археология Восточной Европы: от Камы до Дуная: Сб. науч. трудов к 50-летию юбилею Н. Б. Крыласовой. Пермь, 2017. С. 74–89.

38. *Кулешов В.С.* Серебро за меха из Страны мрака: памятники византийской, восточной и западной торевтики и нумизматики в сакральной экономике югорского общества V–XV вв. // Византия в контексте мировой культуры: Материалы конференции, посвященной памяти А. В. Банк (1906–1984). (Труды Гос. Эрмитажа. Т. LXXXIX.) СПб., 2017. С. 363–372.

39. *Кулешов В.С.* Модели и пути развития ранней государственности в Восточной Европе VIII–X вв. в свете концепции диалога культур. Новейшие дискуссии и вопросы источниковедения // Пути становления и развития государственности в Восточной Европе в период Средневековья и раннего Нового времени: сб. статей международного

научного круглого стола «Пичетовские чтения» (9 ноября 2016 г., г. Минск, Беларусь). Минск, 2017. С. 138–156.

40. *Kuleshov V.* Rundklippta dirhamer i Östeuropa // *Myntstudier*. Nr. 2017:1, december. Stockholm, 2017. S. 44–48.

41. *Кулешов В.С.* Херсонесский клад куфических дирхамов начала 1820-х гг. // Материалы и исследования Отдела нумизматики: По материалам конференции «Сфрагистика, нумизматика геральдика средневекового Крыма». (Труды Гос. Эрмитажа. Т. ХСIV.) СПб., 2018. С. 113–116.

42. *Кулешов В.С.* Денежное обращение, монетная чеканка и политогенез в эпоху викингов: проблема корреляции // Восточная Европа в древности и средневековье: XXX юбилейные чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто (Москва, 17–20 апреля 2018 г.): Материалы конференции. М., 2018. С. 171–176.

43. *Кулешов В.С.* Золото и паволоки, серебро и комони: царская экономика государства Святослава Игоревича в сравнительном освещении // Средневековая Русь. Вып. 13. М., 2018. С. 17–22.

44. *Кулешов В.С.* Нумизматическая лексика и нумизматические ситуации в «Повести временных лет»: синтагматические и парадигматические аспекты // Деньги в российской истории: вопросы производства, обращения, бытования. Вып. I: Сб. материалов Первой международной научной конференции (18–19 октября 2018 г., Санкт-Петербург). СПб., 2018. С. 217–222.

45. *Kuleshov V., Jonsson K., Holmberg Jansson Y.* Corpus nummorum saeculorum IX–XI qui in Suecia reperti sunt. Supplement and revision. Vol. 1. Gotland. 1S. Alva. 14. Lilla Kruse. Stockholm, 2018. 6 p., 3 pl.